

Глава 32. Вдохновляющая классика

В Библиотеке Школы Хуавэй самыми ходовыми и самыми труднодоступными всегда были всевозможные руководства по техникам и тайные каноны. А вот путевые записки о мире культивации, разрозненные заметки, карты и прочее праздное чтиво годами пылилось без дела.

«Пособие для заморских культиваторов по предотвращению мошенничества на берегу» и вовсе лежало под слоем пыли. Поэтому, не без дружеской помощи со стороны учеников внешней школы, Ван Тугэнь раздобыл полное собрание — целых десять томов, включавших двадцать разных переводов с заморских древних письмен. Если сложить их стопкой, та доходила бы человеку почти до пояса.

Четыре великих континента — восточный, западный, южный и северный — были обширны и богаты, и все вместе именовались просто материком. В море же, если не считать нескольких владык-одинок на стадии Зародыша души, что сидели на островах как цари, большинство островов были бедны на ресурсы, с редкой духовной энергией и редким населением.

Одни зависели от материковых школ и знатных домов, другие жили сами по себе, третьи и вовсе дрейфовали вместе с приливами, скрываясь в морском тумане так, что их и на карте было не сыскать.

Говорили, несколько столетий назад один заморский культиватор обошёл все четыре континента и с ужасом понял, насколько материк сложен и страшен: культиваторы тут из-за ресурсов строили козни друг другу, а мошеннические приёмы рождались один за другим без конца. Заморским же людям, выросшим в простой среде и за всю жизнь видевшим едва ли больше сотни человек, со всем этим было не совладать.

Пройдя через бесчисленные беды и добившись славы, он уже на закате лет вспомнил свои юношеские страдания, собрал кровавые уроки и написал книгу.

В ней разоблачались сотни способов совместного мошенничества, ловушек с подставами, вымогательств и афер — всё ради того, чтобы вдохновить будущих заморских культиваторов: мол, если сам автор сумел пройти через все невзгоды и достичь Великого Пути, то и вы сможете.

Едва пособие увидело свет, оно тотчас стало для бесчисленных заморских культиваторов вдохновляющей классикой, маяком на пути совершенствования и книгой, обязательной к прочтению.

Сумерки густели, вечерний ветер нёс прохладный цветочный аромат. У ворот двора Суна очередь постепенно редела.

Ученики внешней школы переговаривались и смеялись, уже не обращая внимания на этого

бедного, жалкого заморца.

Ван Тугэню было нечем заняться. Он уселся прямо на землю, наугад раскрыл пособие — и сам не заметил, как зачитался.

Смысл книги, при всём многословии, можно было свести к четырём пунктам.

Первое: не верь землякам.

Второе: не верь людям с материка.

Третье: не верь вообще никому.

...

И последнее: сколько бы раз тебя ни обманывали, ни подставляли, ни унижали, ни дурачили, ни клеветали на тебя, ни губили — тысячу раз, десять тысяч раз, — ты только упрямо культивируй. У юноши рано или поздно настанет день взлёта, золото однажды всё равно засверкает, и тогда ты сможешь доказать тем, кто смотрел на тебя свысока:

что они были правы!

Ван Тугэнь едва не сплюнул кровью от злости. Этот куриный бульон для души был ядовит.

И тут его вдруг кольнуло подозрение. Он перелистнул к титульному листу и увидел имя автора — всего три простых иероглифа: Доцин-цзы.

Ну конечно. Он молча проглотил поднявшуюся к горлу кровь.

Теперь это прозвище знали немногие, но он-то знал.

Разве Доцин-цзы не было шутливым именем Шу Шэна в молодости?

И разве тот прекрасный, словно волшебная страна, заморский горный приют, описанный в книге, не был тем самым пространством с горчичное зерно, которым Шу Шэн владел теперь, — «Картиной весенней горы в шкатулке»?

Выходит, когда святой муж впервые прибыл на материк, его и впрямь обобрали до нитки, подумал Ван Тугэнь. Неудивительно, что к старости он сделался таким подозрительным — даже ученика хочет принять только после проверки нрава и послал нас испытать Сун Цяньци.

Он взглянул на узкие киноварные ворота двора Суна, но увидел лишь зелёные плети лозы, перелезавшие через стену. И вдруг ему стало немного жаль того молодого человека по ту сторону стены, который ни о чём не подозревал.

Если уж кто-то способен написать целое пособие о том, как распознавать слабости человеческой природы и разбирать все мыслимые уловки мира, то что для него значит расставить ловушку и проверить какого-то пятнадцати-шестнадцатилетнего юнца? Да кто такое выдержит?

— Твоя очередь, иди скорее, — вырвал его из мыслей голос Чжоу Сяюнь.

Он захлопнул книгу и поднял голову. У ворот двора Суна уже никого не осталось, только несколько кустиков бальзамина всё так же покачивались на ветру.

Чжоу Сяюнь наставительно сказала:

— На материке глубока вода и опасны мели. Эти книги сперва убери в хранилище, а вечером перечитай ещё несколько раз и заруби всё в памяти!

Ван Тугэнь тут же нацепил простецкую, честную улыбку:

— Добрая фея, понял я, понял! Спасибо тебе большое!

— Не меня благодари, а старшего брата Суна — за его великодушие, милосердие и то, что он не делит людей. Только спрашивай побыстрее, не затягивай. Иди.

Едва переступив порог, Ван Тугэнь невольно замер.

Весь двор утопал в густой зелени и пёстрых цветах — ярких, приглушённых, тёмных, светлых. И сверху, и снизу — не поймёшь, сколько тут было посажено цветов, трав и овощей.

Он повидал свет, видел и сады духовных трав у алхимиков, и роскошные цветники женщин-культураторов. Если судить по духовной насыщенности земли или по редкости видов, этот маленький дворик был самым обычным.

И всё же здесь было то, чего не было нигде больше и чего не заменит никакая формация сбора:

жизненная сила.

Самая первозданная, самая естественная, ничем не приглаженная, бьющая через край.

Будто перед ним вдруг распахнулась вся весна целиком.

— Этот заморский даос, правила здешние ты ведь уже знаешь? — раздался голос.

Он обернулся на звук.

Говоривший выглядел лет на четырнадцать-пятнадцать, но уже был на стадии Создания основы. Черты лица чистые, осанка воинственная, стоит под цветочной аркой широко и властно, взгляд яркий, острый — от него веяло давлением.

Ван Тугэнь мысленно похвалил: молодёжь нынче и впрямь внушает страх.

Но по их сведениям, это был не Сун Цяньцзи, а Мэн Хэцзэ — тот самый человек, что следовал за ним.

— Это семена томатов, редкость для заморских мест. Я принёс их старшему брату Суну! — Он подал мешочек для хранения и одновременно заглянул за спину юноши.

— Спрашивай. Только быстро. — Проверив семена, Мэн Хэцзэ тут же развернулся и пошёл на кухню варить лапшу.

Под цветочной аркой остались двое: один стоял, другой сидел.

— Я пришёл оценить сокровище. Старший брат Сун, прошу, взгляни на эту вещь как следует. — Ван Тугэнь подошёл ближе, исподтишка разглядывая Сун Цяньцзи.

Косые лучи закатного солнца падали на того сбоку. Он полулежал на кресле, опираясь на мягкую подушку, смотрел на вечерние облака, ловил ветер и щурился от удовольствия. Поза была расслабленной, ленивой.

Похоже, он только что вернулся с полей: на чистой обуви виднелись комочки грязи, но его это нисколько не заботило.

— Хорошо, давай посмотрю, — сказал он мягким голосом.

Ван Тугэнь удивился.

Да он ведь явно человек сговорчивый, и нрав у него, похоже, неплохой.

Так почему же ученики внешней школы почитают его до такой степени, а этот крепкий орешек Мэн Хэцзэ слушается его без тени сомнения?

На ладонь Сун Цяньцзи лёг каменный миниатюрный меч длиной всего в полцуня.

Едва коснувшись вещи, Сун Цяньцзи вдруг выпрямился. Лицо его стало серьёзным.

Поднеся каменный клинок к оранжевому свету заката, он слегка повернул его в пальцах. Клинок был крошечный и тонкий, поверхность — грубая, будто сама фактура камня, и лишь если смотреть духовным зрением, можно было различить на ней невероятно тонкие, сложные узоры талисманов.

Эту вещь он уже видел в прошлой жизни.

Она обладала огромной силой и при этом не требовала никаких условий. Стоило окропить её кровью — и она пробуждалась. Но признать хозяина не могла.

Любой, кто получал её в руки, мог ею воспользоваться. И раз уж вещь принадлежала всякий раз тому, кто её держал, в прошлой жизни она много раз переходила из рук в руки, поднимая кровавые бури, пока наконец не сгинула без следа.

Сун Цяньцзи тоже когда-то безуспешно её искал. В конце концов она оказалась у Вэй Чжэньюя.

— Откуда она у тебя?

— От школы досталась! По наследству!

Увидев, как переменилось его лицо, Ван Тугэнь понял: тот разбирается. И мысленно похвалил его за зоркий глаз.

— Где находится ваша школа? — спросил Сун Цяньцзи.

Ван Тугэнь выпалил длинное, труднопроизносимое название острова.

Сун Цяньцзи подумал: даже я о таком не слышал. И правда глухомань.

Потом спросил:

— Ты с детства жил на острове? Впервые на материке?

— Ага! — Ван Тугэнь закивал так быстро, будто боялся опоздать.

Сун Цяньцзи чуть подумал и задал ещё вопрос:

— У вас там времена года чётко различаются? Долго ли длится сезон дождей? Какая почва? Что больше всего сажают на полях, сколько урожаев собирают за год? Какие основные злаки и какие главные блюда?

— А? Э-это... — Ван Тугэнь побелел и вмиг покрылся холодным потом.

Если бы Сун Цяньцзи спросил его, какое наследие у их школы, какие техники они практиковали, какими артефактами пользовались или есть ли на острове залежи духовных камней, он бы ответил без запинки: ко всему этому он давно подготовился.

Но что ещё за почвы и сезоны дождей? Небо в свидетели — разве найдётся хоть один культиватор, которого такое волнует?

Ван Тугэнь, спасаясь, на скорую руку пересказал климат и нравы «Картины весенней горы». Боясь, как бы Сун Цяньцзи не заподозрил неладное, он торопливо сменил тему:

— Старший брат Сун, так что это вообще за штука? Даже мой учитель не знал!

Сун Цяньцзи вздохнул. Судя по описанию, там не было пустошей, которые можно было бы распахать, и потому он не стал больше расспрашивать. Лишь ответил:

— Это меч-талисман. Если хочешь им воспользоваться, просто окропи его кровью. После активации в бою он сможет насильно поднять твою силу на целую большую стадию. Пусть всего на половину палочки благовоний, но если применить с умом, этого достаточно, чтобы переломить исход схватки или спастись бегством.

— Правда? А он дорогой? Потянет хотя бы на тридцать духовных камней? — В душе Ван Тугэнь поразился его прямоте: знает — и говорит всё без утайки. Но на лице у него по-прежнему играла глуповатая деревенская улыбка.

— Очень дорогой. И триста стоит. И три тысячи. — Ради семян томатов Сун Цяньцзи добавил ещё одно лишнее слово: — Если отнесёшь его в ломбард в Городе Хуавэй и попросишь устроить торги, получишь немало выгоды. Но я бы всё же посоветовал оставить его для самозащиты.

Ван Тугэнь скривился, будто вот-вот заплачет:

— Старший брат Сун, моя школа вся сгинула, я теперь один на материке. И какой мне смысл дальше культивировать? Я только и хочу, что выменять себе денег на дорогу домой. В ломбард я не пойду, боюсь. Может, ты дашь мне двадцать духовных камней, а я продам тебе эту драгоценность?

В этих словах скрывалось многое.

Во-первых, он был слаб, недалёк и не понимал ценности сокровища, которое держал в руках, — значит, его легко обмануть. Во-вторых, у него не осталось ни родни, ни опоры, и если кто-нибудь убьёт его ради клада прямо на материке, за него никто не станет мстить. Отнявший сокровище сможет спать спокойно. В-третьих, кто же откажется купить боевое сокровище всего за двадцать духовных камней?

Но Сун Цяньцзи сказал:

— Нет.

Ван Тугэнь опешил:

— Почему нет?

Сун Цяньцзи покачал головой:

— Ты дал мне семена, я помог тебе с оценкой. Для меня это дело уже закончено.

С этими словами он бросил меч-талисман обратно Ван Тугэню.

— Постой, старший брат Сун!

Ван Тугэнь в панике кинулся ловить его, думая про себя: да ты что творишь? Это тебе не картошка с грядки!

— Сяо Мэн, — позвал Сун Цяньцзи напрямую. — Проводи гостя.

Мэн Хэцзэ, с повязанным спереди фартуком, вихрем вылетел наружу и рявкнул:

— Дай-ка гляну, кто это тут не уходит во время еды?!

Ван Тугэня выставили за дверь.

С тех пор как он стал вести для Шу Шэна чёрную лавку и держать парфюмерную лавчонку, его уже много лет никто ниоткуда не гнал.

А тут его вытесняли поварёшкой и шумовкой, точно бродячего пса. Даже листья фасоли у ворот, покачивавшиеся на ветру, словно насмехались над тем, что он зря строил из себя

мелкого негодяя.

На душе у него было сложно. Если бы Сун Цяньцзи поддался искушению, ему было бы больно и досадно; но раз уж тот даже не дрогнул, Ван Тугэнь почувствовал, что пришёл зря — и никакого удовлетворения не получил.

Опустив голову, он пошёл вперёд, уже обдумывая второй замысел людей из чёрной лавки, и едва не врезался в женщину-культуратора.

— Простите, — поспешно сказал он.

— Ничего, — тихо ответила она.

На голове у неё была шляпа с вуалью, лицо скрывала лёгкая дымка ткани. Простое белое платье без украшений лишь сильнее подчёркивало тонкую, почти невесомую талию.

Эта усыпанная цветами дорожка вела только ко двору Суна. Ван Тугэнь подумал: зачем ей скрывать лицо и зачем она пришла к Сун Цяньцзи?

И вдруг взгляд его упал на цитру в её руках, и глаза его вспыхнули.

Сцена зелёной ряби.

Испытание игры на цитре на Изыщном Собрании «Достичь известности» было уже близко. В Школе Хуавэй хватало и музыкантов-культураторов, и цитр. Но цитры, которые делал Сяо Чжо из чёрной лавки-ломбарда, всё же имели едва уловимое отличие от прочих.

Эта женщина-культуратор пришла ко двору Суна уже после наступления ночи и принесла с собой Сцену зелёной ряби. Значит, с Сун Цяньцзи её связывало нечто весьма близкое.

Неужели Сун Цяньцзи продал меч и купил цитру именно для неё?

Выходит, она непременно ослепительная красавица!

И выходит, до богатств ему дела нет, зато он падок до цветов и женской красоты?

А слова о том, что Мяо Янь недостаточно хороша собой, означали лишь одно: ему просто не по вкусу холодные, возвышенные красавицы такого рода.